

Ли Гуаньцзин с невозмутимым видом улыбнулся: «Не трудись для меня. Я только вчера вежливо отказался от предложения князя Ци, а если приму твоего человека, он наверняка обидится. Что до Юнь Ло, то, думаю, тебе не о чем беспокоиться. Когда она была при мне, то тоже частенько пропадала. Просто подожди — может, через несколько дней и вернётся».

Лан Сьюань слегка нахмурился, пробормотав: «Неужели...»

«Нужна помощь в поисках? Она немало времени провела со мной, возможно, заглянула в какие-то из наших прежних мест».

Лан Сьюань поспешно ответил: «Не стоит хлопот. Как ты и сказал, может, через несколько дней сама объявится. Девушки — у них всегда свои, нам неведомые, мысли».

Ли Гуаньцзин не стал настаивать и откланялся.

На обратном пути Ли Чжаоин спросил: «Брат, а кто такая Юнь Ло?»

«Раньше была моим теневым телохранителем. Сьюань её подобрал».

«Из резиденции Лан?»

Ли Гуаньцзин кивнул: «А что?»

«Да ничего», — улыбнулся Ли Чжаоин. — «Просто думаю, в нашем доме и своих людей хватает. К чему держать чужих охранников так близко?»

Ли Гуаньцзин удивился. Он молча взглянул на брата и кивнул в согласии. Чувство вины, едва утихшее, вновь поднялось в душе. Но, помня о тайне происхождения Чай Синь, он не смел рисковать и вынужден был скрывать правду до конца. Шли они некоторое время, каждый погружённый в свои думы, как вдруг оба одновременно начали говорить — и невольно переглянулись, улыбаясь.

Ли Чжаоин рассмеялся: «Брат, говори первым».

Ли Гуаньцзин потуже сжал поводья и нерешительно спросил: «Второй брат, какие у Юньшу планы на будущее?»

Ли Чжаоин опешил — он явно не ожидал, что Ли Гуаньцзин заговорит о Се Юньшу. В повседневной жизни они редко общались и почти никогда не беседовали с глазу на глаз.

Ли Гуаньцзин тоже понимал, что вопрос его внезапен. Но сейчас, когда Ли Чжаоин, решив дело с Лан Сьюй, пребывал в уверенности, известие о планах Юньшу могло стать для него громом среди ясного неба. Лучше подготовить его заранее, чем потом разбирать последствия. Размышляя так, Ли Гуаньцзин продолжил: «Юньшу в Чанъани одна. Хоть мы о ней и заботимся, это всё же не то, что родная семья. Зачем тогда ты привёз её сюда?»

«Дядья у Юньшу есть, но ни одна из её тёток — не подарок. В семье Се ей жилось несладко, вот я и привёз её в Чанъань, хотел получше присмотреть». Однако в столице она оказалась в ещё большей зависимости. Произнося это, Ли Чжаоин невольно вздохнул.

«А думал ли ты, что Юньшу может выйти замуж?»

Ли Чжаоин нахмурился, и взгляд его стал испытующим. Помолчав, он ответил: «Я прилагаю все усилия. Юньшу меня поймёт. За другого она не пойдёт».

«Я говорю о том, если вдруг...»

«Никаких "если"», — без раздумий отрезал Ли Чжаоин, а затем повторил, отчеканивая каждый слог: «Брат. Ни-ка-ких "ес-ли"».

Ли Гуаньцзин неловко улыбнулся и лишь кивнул в ответ.

Чего бы там ни договорились Ли Чжаоин и Лан Сьюань, с того дня, сколько вдовствующая княгиня ни торопила, старейшины семьи Лан больше не являлись обсуждать брачный союз. Свадьба Ли Чжаоина была отложена, зато дело Се Юньшу постепенно выдвинулось на первый план. Когда княгиня изложила вдовствующей княгине намерения семьи Чай, та сочла, во-первых, что срыв свадьбы с Лан Сьюй — это происки Ли Чжаоина ради Се Юньшу, и лишь выдав Юньшу замуж, можно заставить его оставить надежду. Во-вторых, она полагала, что брак с высокородным домом Тайвэя принесёт семье Се одну лишь пользу. Поэтому вдовствующая княгиня, против обыкновения, не стала перечить княгине, а сама с жаром написала письмо в Цзяннань.

Ли Гуаньцзин не ведал об этих закулисных хлопотах. Последние дни он только и делал, что служил да готовился к церемонии совершеннолетия. Время летело быстро, и вот настал канун обряда. В ночь на двадцать первое августа в резиденции князя Юйхана уже началось оживление: явились распорядители, чтобы назначить время начала церемонии — следующий день, час уи.

На следующее утро Ли Гуаньцзин встал затемно, совершил омовение и вышел из дома, едва прозвучал утренний барабан. Холодная луна ещё висела высоко в небе. Подняв голову, Ли Гуаньцзин воскликнул: «Погода сегодня отменная!»

«Да, лишь бы всё прошло гладко», — отозвался Ли Чжаоин, и они вместе со старшими родственниками, в сопровождении охраны, отправились верхом в родовой храм. Резиденция князя Юйхана и нынешний император в нескольких поколениях предков были одной семьёй, происходя от Ли из Тайюаня. В Чанъани же родовой храм Тайюаньских Ли находился в дворце Цзуншэн на горе Чжуннань, что к югу от столицы. Дорога заняла время: выехали в пятом часу утра, а достигли места лишь к седьмому. Всё утро хозяева были заняты церемониалом да приёмом постепенно прибывающих гостей. Только после полуденной трапезы суета поутихла, и все стали готовиться к наступлению благоприятного часа.

После обеда братья удалились в восточное помещение. Когда приблизился час уи, они совершили омовение, облачились в церемониальные одежды, уложили волосы в пучки и в тишине прислушивались к звукам из главного зала. Снаружи лилась утончённая музыка циней и сэ — мелодия показалась Ли Гуаньцзину знакомой, будто ту, что когда-то разучивала Линь Чэньи.

Ровно в час уи музыка стихла, и старейшины рода Ли начали произносить благопожелания. Не обошлось без обилия архаичных оборотов, да и стена мешала, так что Ли Гуаньцзин разобрал лишь несколько знакомых фраз вроде: «Выпрями одеяния, почти взор, да будешь внушать благоговейный трепет».

Через некоторое время, когда старейшины закончили, раздался низкий голос князя Юйхана. Он воздал благодарность Небу и Земле, государю, потом предкам и старшим, и наконец — присутствующим гостям. По окончании речи князя Ли Гуаньцзин и Ли Чжаоин, следуя ритуалу, один за другим вышли в зал. Взгляды всех собравшихся устремились на них. Ли Гуаньцзин скользнул глазами по залу — множество знакомых лиц в парадных одеяниях. Из

друзей же, по причине знатности, присутствовал лишь Ли Цзин. Из-за жемчужной занавески вновь полились звуки циня. Ли Гуаньцзин смутно различил очертания в лунно-белом — это точно была Линь Чэньи. На душе потеплело, но лицо он сохранял невозмутимым. Вместе с Ли Чжаоинем, опустив глаза, они неторопливо прошли в центр зала, повернулись на юг, сложили руки — левая поверх правой — подняли их ко лбу и совершили поклон. Затем, опустив руки, они повернулись на запад и опустили на колени на предназначенные для виновников церемонии циновки.

Поднялись двое помощников-церемониймейстеров. Взяв гребни, они расчесали волосы Ли Гуаньцзину и Ли Чжаоину. Когда те отошли, дядя Ли Гуаньцзина, Си Цюйжэнь, и князь поднялись одновременно. Си Цюйжэнь совершил омовение рук у восточной лестницы, обтёр их и, после троекратного взаимного поклона и уступки места с князем, вернулся на своё место. Затем Си Цюйжэнь подошёл к братьям и произнёс благопожелание: «В сей прекрасный день, в сей благой час, впервые возлагаем шапку совершеннолетия. Оставь младенческие помыслы, последуй добродетели зрелой. Да будут лета долги, да снизойдёт на тебя великое благо!» Сказав это, он опустился на колени перед Ли Гуаньцзином. Их взгляды встретились, и на лице Си Цюйжэня мелькнула тёплая, одобрительная улыбка. Затем он поочерёдно возложил на головы Ли Гуаньцзина и Ли Чжаоина чёрную парчовую шапку.

В «Лицзи» сказано: «Обряд возложения шапки — начало ритуала». Древние придавали обряду взросления величайшее значение, и даже Ли Гуаньцзин в этой торжественной атмосфере постепенно проникался глубиной его смысла. Первое возложение — чёрная парчовая шапка, второе — шапка учёного с одной перекладиной, третье — шапка с изображением винной чаши. Ли Гуаньцзин получил взрослое имя «Цзинтянь», а Ли Чжаоин — «Цунчэн». Так обряд был завершён. С точки зрения ритуала и закона, с этого момента Ли Гуаньцзин наконец-то стал полноценным «человеком».

После церемонии все поспешили обратно в Чанъань, на вечерний пир в резиденцию князя. В день своего совершеннолетия Ли Гуаньцзин, хоть и не отличался большой выносливостью к вину, был вынужден принять несколько кубков. К счастью, вино в ту эпоху было не слишком крепким, и он полагал, что справится. Но Ли Чжаоин беспокоился и настоял, чтобы брат отправился в сад отдохнуть. Ли Гуаньцзин принял его заботу и, оставшись один во внутреннем дворе, наслаждался покоем.

Он находился в той приятной стадии лёгкого опьянения, когда на душе становится светло и радостно. Возвращаться в покои не хотелось, и он устроился под галереей, беззаботно прислушиваясь к веселью из переднего двора, наслаждаясь тишиной, что принадлежала только ему.

Увы, покой длился недолго. Ли Цзин, заметив, что Ли Гуаньцзин удалился, не смог усидеть на месте и вскоре последовал за ним.

Прислонившись к колонне, Ли Гуаньцзин с улыбкой наблюдал, как приближается Ли Цзин. «А-Цзин, я знал, что ты придёшь».

Ли Цзин замер, его лицо скрывала тень.

Ли Гуаньцзин склонил голову набок: «Что же не подходишь?»

«Ты пьян», — глухо произнёс Ли Цзин.

Ли Гуаньцзин рассмеялся, глаза его превратились в полумесяцы. «Я не пьян. Я просто счастлив».

<http://bllate.org/book/15944/1425457>